

ТРЕТИЙ
РИМ

ИЛЛЯ ВЕВЮРКО

ТРЕТИЙ РИМ

500 ЛЕТ РУССКОЙ
ИМПЕРСКОЙ ИДЕИ

Москва

УДК 1(091)(470)
ББК 87.3(2)
В26

В книге использованы иллюстрации автора.

Вевюрко, Илья Сергеевич.

В26 Третий Рим : 500 лет русской имперской идеи / Илья Вевюрко. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с. : ил. — (Религии, которые правят миром).

ISBN 978-5-04-190737-2

Каким был древнерусский рецепт величия? Что дает право Руси претендовать на римское имперское наследие?

Как известный постулат старца Филофея «Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» касается нас сегодняшних? Книга именитого религиоведа и философа Ильи Вевюрко — взвешенное рассуждение о русском пути, церкви и государстве без штампов и лозунгов.

УДК 1(091)(470)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-04-190737-2

© Вевюрко И., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Содержание

Вместо предисловия	7
Глава 1. Логика Филофея	
Год от Рождества Христова 1524	9
Посреди потопа	26
Отчего «четвертому не быти»?	31
Жена, облеченная в солнце	42
Филофеево моление	58
Глава 2. Рим и Иерусалим	
Москва невестится	82
Идея царства	99
Царь и патриарх	112
Государство всея вселенная	130
Глава 3. Осечки и срывы	
Смутное время	139
Русский раскол	156
Римские образы петербургской эпохи	173
Дворянская империя	199
Тысячелетнее царство	216
Глава 4. Перемена царства	
Русская революция	232
Красная империя	249
Гимн без слов	266
Второе крещение	272
Послесловие	281
Рекомендуемая для изучения литература	286

Вместо предисловия

Эта книга, будучи вся введением в историю идеи, предлагаемой к внимательному рассмотрению, не требует подробного предисловия. Ограничусь одним замечанием, которое поможет читателю войти в курс подлежащего пути. То, что я не озаглавил свой труд как «историю *понятия*», избавляет меня от необходимости рассмотрения всех контекстов, которыми за века своего бытования, своих забвений и актуализаций обогатилось или было разбавлено — как посмотреть — понятие о Третьем Риме. *Идея*, в отличие от всегда развивающегося понятия, есть нечто цельное, неразложимое: изменяясь, она не умножается сама в себе, но становится другой идеей, которая именно потому логически несовместима с первой, что представляет собой ее видоизменение, а стало быть, отрицание. Моя задача в этой книге заключается в том, чтобы взять идею в ее первоизданном виде, как она вышла из-под пера старца Филофея, и проследить именно ее историю в различных обстоятельствах времени бытия нашей страны. Учитывая, что слова Филофея были не отдельным всплеском историософского сочинительства XVI века, но повторялись потом неоднократно и еще больше имели созвучий и параллелей — как бы отчеканивших идею на обликах разных эпох, предмет моего труда отнюдь не пустой, и цель создания этой книги не сводится к пополнению эрудиции либо к развлечению ума: мы будем говорить о том, без чего понимание истории русского самосознания, народного и государственного, глубоко ущербно. Это соображение — уже достаточный ответ тем, кто считает идею Филофея примитивной или устаревшей. Если она и такова, в нее

надо хорошо вникнуть, чтобы взаимосвязь всего последующего была ясна. Но я имею основания полагать, что после прочтения книги читатель не будет судить о древнерусском наследии с настроением «надменного потомка». Может быть, при помощи старого нам удастся по-новому взглянуть на многое из того, что прошло с тех пор и что происходит с нами теперь.

Логика Филофея

Год от Рождества Христова 1524

В год от сотворения мира 7032-й, а от Рождества Христова 1524-й, согласно астрономическому альманаху, изданному Иоганном Штефлером и Якобом Пфлаумом в швабском городе Ульме в самом конце XV века, в мире ожидался глобальный катаклизм¹. Как гласил древнерусский перевод предсказания, обращавшийся среди книжных людей и вводивший в немалое смущение их умы, в тот год имело наступить *«всея вселенная странам и царствам, и областем, и обычаем, и градом, и достоинством, и скотом, и белугам морским и вкупе всем земнородным несумненное прменение и изменение, и преиначение... таково убо яково ж от многих веков от летописателей и от древних родов едва слышахом»*. Чтобы придать пророчеству звучание прямо эсхатологическое, оно завершалось отсылкой к евангельским словам о последних временах: *«Воздвигните убо главы ваша, о мужи христоименитии»*². Согласно с европейской интеллектуальной модой того времени,

Воздвигните убо главы ваша, о мужи христоименитии

¹ *Stöffler J., Pflaum J. Almanach nova plurimis annis venturis inservientia <1499–1531>. Ulm: Johann Reger, 1499.*

² Прообраз этой фразы содержится в Евангелии от Луки в контексте повествования о последних временах, а конкретно — начале конца: *«Начинающим же сим бывати, восклонитесь и воздвигните главы ваша: зане приближается избавление ваше» (Лука 21:28).*

основание для таких ожиданий дала ученым астрономам родственная область научной пытливости — астрология, а именно ожидаемое на зимнем небе 1524 года стечение небывалого количества «водных» знаков, что прочитывалось толкователями как некий «потоп». Не обязательно речь шла о водном всемирном потопе — это слишком явно противоречило бы библейскому обетованию, согласно которому такого больше не будет (*Бытие 8:22*). «Потопами» могли называть вообще массовые бедствия: так, поляки запомнили шведское нашествие в XVII веке как «шведский потоп». Но предсказание на 1524 год особенно настораживало тем, что речь шла о бедствиях всемирного масштаба.

Anno christi dñi		1524	Diurnale	
Bisextilis				
☿	Zircus numericus	5	Quadragesima	14 Februarij
☼	Cyclos Solaris	21	Pascha	27 Martij
☽	Littere dominicales	c b	Rogationes	1 Maij
♃	Inditio romana	12	Ascensio domini	5 Junij
♄	Intervalum	6 hebdo. 2 dies	Pentecoste	15 Junij
♅	Septuagesima	24 Januarij	Eduentus domini	27 Nouembrijs

Hoc anno nec Solis nec Lune eclipsim conspicabimur. Sed presenti anno errantiū fideꝝ habitudines mirari dignissime ac cadent. In mense em̄ Februarij 20 conjunctiones cū minime mediocres tum magne ac cadent. quarum 15 signum aqueum possidebūt. que vniuersis fere oꝝbi climatib⁹ regnis pro uincis statibus dignitandis brutis beluis marinis cunctisq; terre nascentibus indubitata mutationem variationē ac alterationē significabunt. talem profecto qualem a pluribus seculis ab historisgraphis. aut natu inatoꝝib⁹ vix percepimus Leuate igitur vtri christianissimi capita vestra

♄	Saturnus a 23 Junij ad 9 Nouembrijs retrogradus
♃	Jupiter a 18 Julij ad 14 Nouembrijs regressu verabitur
♂	Mars hoc anno progredietur
♁	Venus a 21 Septembris ad 1 Nouembrijs contra signozum seriem deferretur
☿	Mercurius a penultimo Martij ad 22 Aprilis Item a 24 Julij ad 16 Augusti
♁	Eta 17 Nouembrijs in 10 Decembris regressiones perficiet.

IMS

Распространение альманаха на Москве примерно около 1523 года было связано с деятельностью немецкого католического эмиссара — врача, дипломата и переводчика Николауса Бюлова, известного среди русских как Николай Булев или Николай Немчин. Рукопись предсказания разошлась по городам и растревожила не только столицу; дошел ее «список» (копия) и до государева дьяка при псковском наместнике Михаила (Мисюря) Григорьевича Мунехина, который обратился за советом к иноку Филофею, старцу Елеазарова монастыря под Псковом¹. В ответ на недоумение сановника и появилось послание Филофея, получившее в рукописной традиции название «О злых днях и часех». Некоторые исследователи считают его единственным подлинным из Филофеева цикла: в таком случае другие составлены уже «по мотивам». Это, впрочем, не общепринятое в науке мнение. Но для нас, чтобы понять логику старца, который в своем ответе дьяку, а вместе с ним и всем смутившимся в ожидании «потопа» русским вельможам, впервые наименовал русское государство Третьим Римом, достаточно будет и одного этого послания. Другие я буду цитировать далее в подходящих местах, так как развитие идеи в них, без сомнения, отражается. Теперь же рассмотрим строение и основные мысли этого исторически первого в своем роде памятника.

Филофей начинает письмо с известной самоуничижительной формулы, которая порой цитировалась в научной и учебной литературе как показатель пренебрежения древнерусского

¹ Этот монастырь теперь называют Спасо-Елеазаровским, в честь чтимой иконы Спасителя, переданной сюда после упразднения Великопустынского монастыря в 1766 году. Во времена Филофея обитель была посвящена праздникам Рождества Богородицы и Трех святителей. Елеазаровой ее традиционно называли в честь основателя — преп. Евфросина Псковского, в схиме Елеазара.

книжника к научному и философскому знанию: «яз селской человек, учился буквам, а еллинских борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе

Учюся кни-
гам благо-
датнаго За-
кона, аще
бы мощно
моя греш-
ная душа
очистити
от грех

не бывал». Однако это вовсе не смиреннословие, как может показаться. Филофей, правда, намекает своему адресату, что ему самому надо меньше тревожиться о мирском. На Руси считалось издревле, что «свет мирянам иноки», вот старец и подает мирянину пример: «учюся книгам благодатнаго Закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от грех»¹. Но, если бы в этом была вся цель, послание тут же могло и закончиться. В действительности элементарное образование Фи-

лофея служит здесь обличением не просто суетной и земной, а еще и мнимой мудрости астрологов, потому что далее он демонстрирует понимание азов астрономии (может быть, эти азы и есть «буквы», которым он учился), не дающее подпасть под чары ее магического двойника. Если уж он, малограмотный иннок родом из деревни², понимает числовое соотношение лунного и солнечного циклов и его смысл, знает причины затмений и порядок движения созвездий, то нет никакого дива в том, чтобы рассчитывать эти регулярные небесные явления,

¹ Одним из источников для такого начала письма было, возможно, послание святителя Василия Великого о монашеском житии, помещавшееся в Кормчих книгах. Там говорится, что монаху должно быть «не собеседнику, невежди человеческих учений, готову прияти в сердце иже от Божественнаго учения».

² Происхождение Филофея точно неизвестно. Устав преп. Евфросина допускал принятие в монастырь людей всех сословий и состояний (послушник не должен был давать вклада на свое обеспечение). Сам Филофей называет себя «сельским человеком», имея в виду, вероятно, то, что провел жизнь вне городов и учился дома либо при церкви.

и умение предсказывать их вовсе не означает знания будущих событий иного, исторического плана. Как бы успокаивая своего адресата, Филофей немного посвящает его в астрономию, рассказывая о знаках зодиака (зодеях) как маршруте движения больших светил и объясняя, что, если бы луна слишком часто достигала полноты своего диска, «пакость бы велика была светилником между собою, частаа отемнения». Таким образом космос предстает взору читателя гармонически упорядоченным и целесообразным.

Пакость
бы велика
была све-
тилником
между со-
бою, частаа
отемнения

Старец пишет дяку, что в математическом расчете затмений Солнца и Луны «подвиг велик, а приобретения мало», тем самым настаивая на отсутствии в регулярных явлениях семантики, относящейся к явлениям нерегулярным, связанным с человеческой свободой и ее производным — историческим процессом. Двенадцать зодиакальных созвездий «суть пути солнцу и луне», так, луна проходит их «в двадесят и девять дней и в пол дни и пол часа и пятаю часть часа». Различными путями ходят планеты. Но мысль, что от их расположения зависит человеческий жребий, — басня халдеев, которые соблазнились небесной механикой еще тогда, когда устремили в небо свой столп, Вавилонскую башню. Еретики нового, уже Филофеева времени воспользовались этой мыслью «на прелщение малоумных человек», а именно чтобы внушить им непокаянный дух: ведь если судьба человека предопределена, знаком чему должен служить читаемый астрологом небесный рисунок, то не за что будет и судить человека, предопределенного к тем или иным поступкам, на последнем суде. Бог Сам «имать винен быти, яко злая человеки народил». Эту же мысль старец высказывает в посла-

нии к другому вельможе¹, где порицает астрологические искусства, «имиже хула на Бога востече». Как мы можем понять в контексте послания к Мунехину, о «хуле» говорится не голословно, это богословская оценка, вытекающая из основополагающего христианского учения о Боге как всеблагом, не творящем зла.

Трехсвятительский храм Елеазарова монастыря,
XVI в. Фото автора

Филофей цитирует альманах по выписке, которая содержалась в полученном им от Мунехина письме. Итак, ожидающееся в 1524 году вхождение планет в водные знаки сулит «всеа вселенныа градовом и царством и странам, вкупе всем земнородным пременение». Но это ложь, так как в основе всех глобальных из-

¹ Здесь и далее я обозначаю как Филофеевы все те цитируемые мною тексты, которые приписывались ему, в той мысли, что если они не противоречат друг другу, то принадлежат, во всяком случае, к одной среде; а кроме того, сомнения тех или иных исследователей в авторстве документа далеко не всегда равносильны его опровержению.

менений лежит не механическая, а живая и разумная причина. «Святым Духом всяка тварь обновляется, обращающа на первое», то есть возвращается в прах и восстает из праха. Старец — рационалист в отношении к небесной механике, но в отношении к первоначалу всех явлений он истово верующий, причем одно связано с другим: допущение какого-либо механического начала в духовной жизни означало бы ослабление совершенства Бога — причины свободной, разумной и деятельной, даровавшей человеку те же свойства. Созидание и разорение государств происходит от Божьего суда в связи с человеческой греховностью. «Да внемли, Господа ради, в которую звезду стали христианскаа царства, еже ныне вси попрани от неверных? Якоже пророк глаголет: кто даст на расхыщение Израиля — не Боги, емуже согрешиша? Девятьдесят лет, како греческое царство разорися и не созиждется: сия вся случися грех ради наших, понеже они предаша православную греческую веру в латынство». Заметим здесь два момента, которые будут важны для всего нашего повествования и в дальнейшем: во-первых, Филофей отождествляет всех православных христиан с Израилем, избранным народом, наказуемым строго именно потому, что избран; во-вторых, даже сетуя на унию греков с латинянами как причину падения их империи, он говорит «грех ради *наших*», то есть покаянный настрой, как в первых русских летописях, нерушимо сохраняется и при рождении «Третьего Рима».

Святым
Духом всяка
тварь об-
новляется,
обраща-
юща на
первое

Здесь, на этом повороте с греками, Филофей впервые упоминает Рим, причем сначала от лица своих оппонентов: «Не дивися.. яко латыни глаголют: наше царство Ромейское недвижимо пре-

бывает, аще быхом не праве веровали, не бы Господь снабдел нас». То есть, если бы мы не были правоверными, Господь не сохранил бы наше царство — говорит первый Рим. Филофей оставляет этот, казалось бы, веский довод без внимания. Почему? Самоочевидно: многие нехристианские царства остаются крепкими; да так тому и надлежит быть, ведь конец земной истории во все не будет похож на всемирное торжество христианства. Здесь (и далее) у Филофея столь явное отрицание хилиазма, о котором мы позднее поговорим отдельно, что для мечты о мировой гегемонии, как и о мировой политической гармонии, не остается совсем никакого места. «Только то, что имеете, держите, пока приду» (*Откровение 2:25*) — эти слова из Апокалипсиса могли бы стать эпиграфом для послания инока. О мировой гегемонии мечтает как раз первый Рим, не понимая того, что из-за ереси он уже перестал быть центром христианского мира.

Признак падения первого Рима старец усматривает в служении евхаристии на пресном хлебе вместо традиционного для христиан квасного, что видится ему символическим следованием ереси Аполлинария. Этот епископ Лаодикии Сирийской в IV веке учил, что Сын Божий воспринял только плоть человеческую, но не душу. Такого учения, однако, никогда не разделяла западная церковь. Здесь у Филофея историческая ошибка, основанная на отголосках спора о евхаристическом хлебе, который некогда велся византийскими полемистами на два фронта — с римо-католиками и с армянами-антихалкидонитами. Последних из-за их близости к монофизитству было уместнее заподозрить в символизации посредством пресного теста несовершенного воплощения Спасителя¹. Напротив, твердость Рима в защите учения

¹ См.: *Беневич Г.И.* Полемика об опресноках при патриархе Михаиле Киррларии // *Антология восточно-христианской богословской мысли. Т. II.* М.: Никея, 2009. С. 411–412.

Халкидонского собора о двух природах воплотившегося слова исторически хорошо известна. Причина ошибки Филофея, отчасти ее извиняющая, может быть усмотрена в богослужбном круге, в котором он, как монах, пребывал постоянно. На службе Великой субботы над Плащаницей, символизирующей тело умершего Христа, читаются слова из Апостола: «Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины» (1 Коринфянам 5:7–8). Поскольку здесь опресноки недвусмысленно связываются со смертью тела, новация в виде использования пресного хлеба в евхаристическом каноне, ассоциировавшемся прежде всего с воскресением, выглядела перенесением свойств мертвого, разлученного с душой тела на тело воскресшее.

Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины

Ошибка Филофея заключается в том, что симптом он принимает за причину болезни — разделения христиан. Разделение было действительным, и преодолеть его можно было бы только одним из трех способов: согласиём на основе учения святых отцов Церкви, согласиём на основе главенства Рима или же согласиём на основе Библии, которое предлагала Реформация, но вопрос о том, как толковать Библию, сразу же разделил самих реформаторов. Православные стояли на приоритете святых отцов Церкви, римо-католики — на примате Рима. Первая позиция не предполагала компромиссов, но и не требовала от оппонентов

институционального подчинения. Вторая допускала компромисс в виде восточного обряда, но требовала более, чем только институционального подчинения: сама христианская совесть верующих в догматических и дисциплинарных вопросах полностью вверялась папе. Это означает, что сопротивление унии с римо-католицизмом было также сопротивлением принципу делегирования совести. «Учитель ваш Христос есть, почто человеки сотвористе вам учителя?» — вопрошал древнерусский Толковый Апостол в комментарии на 1-е послание к Коринфянам.

Отношение к совести как к тому, что не может быть делегировано, в древности объединяло христианский Восток и Запад. «Истина Твоя принадлежит не мне или еще кому-то, — писал святой

И грозно
предупре-
ждение
Твое: не
держать ее,
как соб-
ственность,
чтобы не
лишиться ее

Августин Блаженный, — а всем нам, кого Ты призываешь к открытому общению в ней. И грозно предупреждение Твое: не держать ее, как собственность, чтобы не лишиться ее» (*Исповедь XII. 34*). Оно сближало православных с протестантами. Последние, однако, не признавали опыта святости, обожения, и потому святые отцы Церкви не были для них авторитетом¹. Совесть протестанта ответственна перед Писанием, совесть православного — перед «собором святых отец» как живым Писанием. При этом непреложно правило «при жизни нико-

го не ублажай», поэтому собор, обладающий авторитетом, всегда находится в прошлом, с ним сверяются как с уже совершившим-

¹ Авторитет (*лат. auctoritas*) — собственно, «авторство», то есть статус источника действия. Подлинным авторитетом обладает лишь тот, кто успешно действует, и лишь в той области, в которой действует. Свидетельствуя о святости отцов, Церковь тем самым придает им авторитет в духовной жизни.

ся и потому актуальным («акт» означает «действие»). Признание опыта святости и обожения человека ведет к таким особенностям православия, как почитание святых икон и мощей.

Исходя из разделения как данности, уже давно исторически подтвержденной, Филофей неверно толкует догматические основания разделения, но интуиция о евхаристии как основе у него безошибочна: нет единства там, где нет сопричастия. В смысловом отношении центральная часть послания — ближе к концу, там он описывает установление таинства Тела и Крови, называя это «нашей христианской тайной». Сотворив иудейскую пасху по закону, Иисус после того совершает с учениками Тайную вечерю, в начале которой учит их «еже не старийшенствовати», то есть запрещает споры о первенстве. Далее Он оставляет на столе только хлеб и вино, над которыми произносит молитву о вечной жизни (*Иоанн 17:1–5*). Он раздает причастникам хлеб, затем смешанное с водою вино, произнося слова «сие есть тело Мое» и «сия есть кровь Моя», после чего участники трапезы выходят на гору Елеонскую. Начинается путь на крест. С причащением апостолов Филофей связывает установление церковного священнослужения: «Видиши ли, христолюбче, какова есть священства тайна и божественаго причастия начало?» Между сионской горницей и нынешней литургией, совершаемой наследниками апостолов, протягивается непрерывная нить, буквально связь через прикосновения (рукоположения) — это ли не признак той Церкви, о которой сказано, что «врата адова не одолеют ей» (*Матфей 16:18*)? При такой связности, по мысли Филофея, не могла сама собой измениться традиция совершения таинства, поэтому он и считает ересь причиной изменения римской практики.

Отсюда, то есть от доказательства истинности православной церкви как непрерывно содержащей главное Христово таинство, старец переходит к заключительной теме письма: о Третьем

Риме. Он подытоживает содержание вышесказанного: «два убо Рима падоша». Они пали не как города: оба стояли на тот момент и выглядели намного внушительнее Москвы во всех отношениях, в связи с чем Филофей, иронически усиливая аргументы противника, говорит о «трекровных полатах» (трехэтажных домах) старого Рима, которые «не пленены» никем из варваров — но что толку в этом, если «души их от диавола пленены»? Итак, Филофей пишет в заключение «о нынешнем православном царствии пресветлейшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже в всей поднебесной единаго христианом царя и броздодержателя святых Божиих престол, святых вселенских апостолских церкви, иже вместо римской и константинопольской». Старцу, судя по остальным частям послания, не так уж свойственна высокопарность; высокий, почти церемониальный стиль выражения указывает здесь на серьезный настрой, с которым подобало воспринять сказанное. Почему великий князь Василий III вдруг царь (впрочем, известно, что и отца его, Ивана III, уже называли царем) и «броздодержатель святых престолов»? К нему, в его столицу, сходятся нити, «бразды правления» престолов, то есть приходов и епископий¹, той церкви, которая одна только на всей земле защищена от насилия и потому «во вселенней паче солнца светится».

Вопреки тому, что нам может здесь показаться самовосхваление, превозношение, мечтательность, инок Филофей говорит, хотя бы и выпренным стилем, лишь о фактическом положении дел. Действительно, если иметь в виду православие как непосредственно восходящее ко Христу таинство, «вся христианская царства приидоша в конец», земля «*потоплена* неверием» (ирониче-

¹ Престолом в церкви называлось, как и теперь называется, собственно место преложения Святых Даров (хлеба и вина в тело и кровь Спасителя), а также епископский «стол» (кафедра, седалище).